U 371/174

И 3/1 / 174
Бн / 1882
Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина
9946-46

Объясненіе по поводу статьи „Военная реформа Петра Великаго“.

Въ іюньской книгѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, П. А. С—скій, въ статьѣ „Военная реформа Петра Великаго“, взялъ на себя трудъ ознакомить читателей съ содержаніемъ моихъ изслѣдованій объ „Артикулѣ Воинскомъ“, появленіе которыхъ, по его мнѣнію, „устранило весьма существенный пробѣлъ въ нашей историко-юридической литературѣ“; но онъ совершенно отстраняется, какъ самъ говоритъ, отъ критической оцѣнки названнаго моего изслѣдованія. Въ его отчетѣ высказывается однако нѣсколько замѣчаній которыя не могутъ быть оставлены безъ возраженія. Сдѣланныя мимоходомъ и не обоснованныя на данныхъ моего сочиненія, они могутъ ввести въ заблужденіе читателя, лично не ознакомившагося съ моими работами. Кромѣ того, въ рецензіи—что̀ важнѣе всего—встрѣчаемъ невѣрное изложеніе фактовъ относительно происхожденія и значенія военныхъ законовъ великаго преобразователя.

Прежде всего замѣчу, что въ изслѣдованіяхъ объ Артикулѣ Петра I я имѣю въ виду одну только цѣль: указать, изъ какихъ именно источниковъ сложился этотъ грандіозный вѣковой памятникъ исторіи русскаго права. Для достиженія этой цѣли, мнѣ нужно было открыть источники Артикула, сравнить его съ сродственными западно-европейскими памятниками, объяснить значеніе важнѣйшихъ документовъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ этому первому русскому военно-уголовному кодексу и, наконецъ, показать, изъ какихъ именно законовъ образовался „Артикулъ Воинскій“ во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ. Эта сторона труда оставлена рецензентомъ безъ всякаго вниманія; мнѣ ставится даже въ упрекъ, зачѣмъ я вхожу въ подробности, затемняющія, по мнѣнію г. С—скаго, изложеніе.

Библіотека М.П.М.

Я не писалъ ни исторіи преобразованій Петра Великаго, ни исторіи его военной реформы. Между тѣмъ г. С—скій, обративъ все свое вниманіе на факты, относящіеся къ ходу военной реформы, и утверждая, что, „въ результатѣ оказывается совершенно уясненнымъ вопросъ, изъ какихъ источниковъ сложилось наше военное законодательство“, говоритъ слѣдующее: „Въ толкованіяхъ и заключеніяхъ къ главамъ Артикула, составляющихъ наиболѣе цѣнную часть изслѣдованія, напротивъ, вниманіе читателя подавляется обиліемъ подробностей изъ иностранныхъ законодательствъ, которыя могли бы быть выпущены безъ ущерба для ясности изложенія“.

Въ словахъ „подавляется обиліемъ подробностей“ не понятно, съ какой точки зрѣнія рецензентъ смотритъ на законодательный памятникъ. Нельзя согласиться, чтобы обиліе цитатъ и ссылокъ на родственные Артикулу Воинскому законы въ приводимыхъ мною замѣткахъ на каждый артикулъ могло вредить разрѣшенію единственной задачи моего изслѣдованія. Въ этихъ цитатахъ и ссылкахъ, напротивъ, заключается драгоцѣнный матеріалъ не для одного юриста. Если же рецензентъ въ указанной выдержкѣ понимаетъ мое изслѣдованіе „историческихъ фактовъ и явленій въ военномъ быту западной Европы и Россіи въ связи съ историческими событіями вообще (что̀ дѣлается мною для объясненія мотивовъ военныхъ законовъ на текстъ каждой главы), то его взглядъ не могу признать безпристрастнымъ, потому что онъ желалъ бы видѣть въ моемъ трудѣ разрѣшеніе такого вопроса, какого я вовсе не имѣю въ виду. Такъ, онъ говоритъ далѣе (стр. 388): „но болѣе важный вопросъ: что̀ внесло это законодательство въ жизнь русскаго народа, остается не разработаннымъ“.

Автору историко-юридическаго изслѣдованія о происхожденіи „Артикула“ не было надобности отвлекаться отъ своей цѣли изслѣдованіями походовъ Миниха, Румянцева, Суворова и цѣлой плеяды полководцевъ настоящаго столѣтія. Русское войско воспитывалось на военныхъ законахъ Петра Великаго; это, конечно, знаетъ и рецензентъ и знаетъ, что оно воспиталось съ успѣхомъ; но чтобы сознательно освѣтить значеніе петровскихъ военныхъ законовъ, нужно изучить ихъ въ самой ихъ первоначальной, зародышной формѣ. Опредѣленіе же вліянія военныхъ законовъ Петра на нравы и бытъ русскаго народа не входило въ число задачъ моего труда.

Въ силу такихъ соображеній, должны пасть и другія обвиненія рецензента. „Отсутствіе извѣстнаго рода фактовъ, неполнота, отры-

вочность въ изложеніи и отсутствіе руководящей идеи",—всѣ эти обвиненія рецензента объясняются вовсе не „трудностью самой задачи", а свойствомъ моего изслѣдованія. Желая перенести читателя въ среду того общества, для котораго составлялись военные законы, я пользуюсь историческимъ матеріаломъ на столько, на сколько мнѣ необходимо выяснить причины, опредѣляющія существо законовъ, вошедшихъ въ данную главу Артикула. Но какъ планъ моихъ изслѣдованій располагается по системѣ разсматриваемаго памятника, то историческія введенія предшествуютъ отдѣльнымъ главамъ, а отсюда естественны и неизбѣжны повторенія.

Г. рецензентъ приводитъ изъ моего сочиненія слова Бернера о „причудливомъ произволѣ и индивидуальной ограниченности" въ доказательство того своего положенія, что предпочтеніе нѣмецкихъ юристовъ конца XVII и начала XVIII столѣтія жестокимъ и посрамительнымъ наказаніямъ было явленіемъ не случайнымъ. Но развѣ я утверждаю противное? Я только присовокупляю, что провозвѣстники гуманитарныхъ началъ XVII столѣтія, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежитъ и составитель знаменитаго шведскаго протестантскаго кодекса, не нашли себѣ послѣдователей въ Германіи и во Франціи даже въ началѣ XVIII столѣтія. Довольно странно приписывать современнику Петра, Прусскому королю Фридриху-Вильгельму I, вѣкъ котораго въ Германіи собственно и описывается мною (Артикулъ Воинскій, выпускъ 2-й, стр. 673), наклонность къ гуманизму. Ни одинъ историкъ, самый рьяный германскій патріотъ, не скажетъ, чтобъ это печальное время въ исторіи Пруссіи было временемъ „разгара гуманизма". Еслибы рецензентъ прослѣдилъ со вниманіемъ мою главу о „бѣглыхъ и дезертирахъ" во Франціи и Пруссіи и сличилъ бы приведенные мною юридическіе документы съ показаніями историковъ Шлоссера, Гервинуса и другихъ, то не рѣшился бы считать обстоятельства, при которыхъ явились военные законы Петра, благопріятными для проведенія въ жизнь гуманитарныхъ началъ не только у насъ въ Россіи, но и во всей Европѣ.

Г. С—скій рѣшительно и категорично считаетъ законодательство Петра I ненормальнымъ общественнымъ явленіемъ начала XVIII вѣка. По его мнѣнію, Петръ I въ военное законодательство не внесъ творчества, былъ простымъ компиляторомъ чужихъ законовъ, къ которымъ и не могъ отнестись критически.

Увлеченіе г. С—скаго въ этомъ направленіи доходитъ до край-

ностей: онъ полагаетъ, напримѣръ, что достаточно было, въ прошлое царствованіе, измѣнить прежніе военные законы, чтобы въ народномъ быту измѣнилось все къ лучшему. Г. рецензентъ, принимая слѣдствіе за причину, забываетъ, что законы измѣняются подъ вліяніемъ успѣховъ народнаго развитія, и что когда нравы плохи, законы не могутъ быть хорошими, что законы, служа показателемъ нравственнаго уровня общества, воздѣйствіемъ своимъ на общество лишь постепенно смягчаютъ и вообще улучшаютъ нравы послѣдняго.

Военные законы Петра (разумѣя „Артикулъ“) удерживались болѣе столѣтія, благодаря, съ одной стороны, нравамъ, которые они встрѣтили, и благодаря, съ другой стороны, нравамъ, которые они въ свою очередь образовали.

Между тѣмъ, по словамъ рецензента, „умственное и нравственное состояніе народа въ настоящее время, какъ извѣстно (?), мало чѣмъ отличается отъ того, какимъ оно было во время Петра“.

Но такъ ли это? Начнемъ съ общества: физической разбросанности русскаго народа соотвѣтствовала и его нравственная несплоченность. Экономическія условія крайне плохи. Сословныя группы не выработаны. Войска разнузданы, неспособны къ продолжительной войнѣ. Во всемъ государствѣ Петръ могъ полагаться не болѣе какъ на 20 тысячъ пѣхоты, да и въ этихъ отборныхъ полкахъ дисциплина едва зарождалась. На всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ лежала печать рабства. Нужно ли исчислять тѣ застарѣлыя язвы, съ которыми приходилось вѣдаться Петру I съ первыхъ дней его преобразовательной дѣятельности и до могилы?

Рецензентъ удивляется массѣ побѣговъ изъ арміи и въ этомъ явленіи видитъ отличное доказательство несообразности Петровскихъ законовъ? Но причины страшныхъ побѣговъ изъ арміи понять легко. Борьба преобразователя съ этимъ зломъ, подтачивавшимъ въ корнѣ вооруженную силу, была тяжелѣе, чѣмъ борьба со стрѣльцами, съ Булавинскими казаками, съ башкирцами и даже со шведами. Борьба эта былъ тѣмъ труднѣе, что ближайшіе помощники Петра не хотѣли понять главный смыслъ той помощи, какой онъ собственно отъ нихъ требовалъ. „Они принесли“, говоритъ Соловьевъ,—„свое мужество для борьбы съ внѣшними врагами, способность къ тяжелому труду, способность быстро пріобрѣсти знаніе, искусство въ томъ или другомъ дѣлѣ, нужномъ для Россіи; но многіе не принесли другаго высшаго, гражданскаго мужества, не принесли способности отказаться отъ частной корысти для общаго блага, способности отвыкнуть отъ

жизни врозь, способности отвыкнуть отъ взгляда на службу, на подчиненныхъ—какъ на людей, обязанныхъ кормить, на казну, какъ на общее достояніе въ томъ смыслѣ, что всякій, добравшійся до нея, имѣетъ право имъ пользоваться".

Петръ I, призывая свой народъ къ тяжкому и великому труду, смотрѣлъ на желаніе избѣжать этого труда, какъ на измѣну. Мы знаемъ, съ какимъ обществомъ имѣлъ дѣло Петръ, совершая преобразованіе арміи. Отъ войны уклонялись не одни только сторонники стараго строя, изъ войскъ бѣгали не одни только солдаты и драгуны, своею властью злоупотребляли не одни только отдѣльные начальники войскъ и офицеры, но и пользовавшійся безграничною царскою довѣренностью князь Меншиковъ. Побѣги на Донъ, на Волгу, въ степи крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, солдатъ, даточныхъ, были, можно сказать, хроническою болѣзнью общества уже со временъ Бориса Годунова. Побѣги изъ войскъ достигали необычайныхъ размѣровъ при Θедорѣ Алексѣевичѣ. Бѣглые обращались въ „воровъ и разбойниковъ". Для сыска бѣглыхъ Петру приходилось уже снаряжать военныя команды, посылать роты съ капитанами. Удалось поймать 10 знаменитыхъ разбойниковъ. Кто же они? Люди изъ низшихъ слоевъ общества, его поддонки? Ничуть, это все помѣщики. Въ самый разгаръ великой Сѣверной войны правительству доносятъ изъ губерній о неистовствахъ воровскихъ и разбойничьихъ шаекъ въ 100 и болѣе человѣкъ. Толпы эти преимущественно изъ бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ. Бѣглые рекруты заявляли, что если велятъ сыскивать бѣглыхъ солдатъ и драгунъ, то въ уѣздахъ Московской губерніи они берутся открыть человѣкъ по 500 или по 600. Для искорененія притоновъ разбойниковъ и воровъ теперь пришлось направить въ разныя части государства отряды князя Трубецкаго, Репнина, Шувалова, Бона, Роланда.

Кто же были пристанодержателями, укрывателями воровъ и разбойниковъ, съ которыми Петру приходилось воевать огненнымъ и студенымъ всякимъ ружьемъ? Закоренѣлые преступники, каторжники, люди изверженные изъ общества? Ничуть не бывало: здѣсь „разныхъ чиновъ люди": помѣщики съ своими приказными и старостами, священники и монахи съ причетниками и монастырскими служками и т. д. Въ монастыряхъ, пустыняхъ и въ приходскихъ церквахъ укрывались толпы бѣглыхъ подъ именами бурлаковъ, казаковъ, ханжей и трудниковъ.

Итакъ, можно ли сказать, что общество, гдѣ не было безопасности для слабыхъ, гдѣ женщину нужно было запирать въ те-

Петру. „Уставъ Воинскій“ также есть единственный въ своемъ родѣ памятникъ, не только у насъ, но и въ современной Петру Европѣ.

Артикулъ и Процессы составлены по лучшимъ образцамъ; на этихъ памятникахъ замѣтна работа зрѣлая и самостоятельная, при чемъ несоотвѣтственныя мѣста, напримѣръ, шведскаго кодекса замѣнены матеріаломъ изъ другихъ болѣе извѣстныхъ законовъ, пробѣлы пополнены; приняты къ руководству сужденія комментаторовъ, особенно Петра Папии и Гойера. Затѣмъ неясности въ текстѣ сглажены или самимъ Петромъ, или его кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ.

Можно сказать многое противъ неточностей языка „Артикула“, противъ повтореній и нѣкоторыхъ неправильностей въ юридическихъ опредѣленіяхъ; можно указать противорѣчія артикуловъ со статьями „Устава Воинскаго“; но нельзя утверждать, что „Артикулъ Воинскій“ былъ простою компиляціей. Точно также и въ „Уставѣ“ статьи такъ переработаны, что иногда трудно доискаться оригинала.

Странно, почему г. С—скій, приписывая дѣйствующему военному законодательству такое громадное вліяніе на умственное и нравственное состояніе народа, не считаетъ его компилятивнымъ. Вѣдь и „Дисциплинарный Уставъ 1867 г.“, и „Воинскій Уставъ о наказаніяхъ 1867 г.“ составлены по образцамъ иностраннаго законодательства.

„Артикулъ Воинскій“, будучи отпечаткомъ основныхъ принциповъ западно-европейскихъ, болѣе зрѣлыхъ народовъ, романскаго и германскаго племенъ, заключая лучшіе образцы, провѣренные опытомъ войнъ въ эпоху возрожденія военнаго искусства, есть достойный памятникъ генія великаго преобразователя, вождя великаго народа славянскаго, котораго народъ этотъ, измученный неурядицей, давно ждалъ, чтобы подняться и вступить на путь самоусовершенствованія.

И. Бобровскій.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, декабрь 1886 г.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., д. 78.

2007099021